

Николай Добролюбов

По поводу одной очень обыкновенной истории

Николай Добролюбов

**По поводу одной очень
обыкновенной истории**

«Public Domain»

1858

Добролюбов Н. А.

По поводу одной очень обыкновенной истории /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1858

Руководитель католической партии во Франции, видный публицист и оратор-парламентарий, граф Монталамбер пользовался симпатиями в либеральных кругах русского общества: в положительной оценке его книги «О политической будущности Англии» (1855) сошлись западники и славянофилы. В противоположность либеральной публицистике, Добролюбов, подчеркивая, что поведение французского правительства вполне соответствует природе режима, направляет острие своей критики против тех, кто, боясь народа, хочет соединить «свободу» и «порядок», тем самым способствуя утверждению деспотизма. Политическая деятельность Монталамбера, являющаяся олицетворением такой близорукости и непоследовательности, послужила Добролюбову своеобразной моделью для рассмотрения явления либерализма.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Александрович Добролюбов

По поводу одной очень обыкновенной истории

В европейских газетах наделал шуму последний процесс Монталамбера. Правду сказать, дело вовсе не стоило такого шума: то, что произошло с Монталамбером, есть вещь очень обыкновенная, которой следовало ожидать каждый день после 10 декабря 1848 года^[1]. Удивительно было бы, если б подобных вещей не было теперь во Франции после всех событий последнего десятилетия. В корреспонденции какой-то газеты мы прочли недавно, что парижская публика едва один день поговорила о деле Монталамбера и потом, как ни в чем не бывало, опять принялась за обычные дела и развлечения. И это нисколько не удивило нас: парижская публика поступила очень последовательно, оставшись верна тем побуждениям, которые произвели 2 декабря 1851 года^[2]. Нечего этому удивляться и слишком поздно на это негодовать.

Однако же газеты удивляются и негодуют. Из одной в другую переходит фраза, что «общественное мнение во Франции сильно возбуждено этим вопросом». С какой же точки зрения оно может быть особенно заинтересовано этим делом? Неужели общественное мнение Франции и всей Европы не знает, что такое Монталамбер? Неужели оно только теперь догадывается о том, какое значение имеет положение его обвинителя? Странная близорукость, странная наивность! Мы не знаем, много ли найдется в России людей, следящих за современной историей, которые бы встретили литературный процесс Монталамбера с изумлением, как что-то странное и внезапное. Но мы знаем, что многие говорят о нем с живейшим негодованием, придавая ему преувеличенную важность. Нам хотелось бы несколько успокоить волнение этих людей, слишком восприимчивых к настоящему и в минуты раздражения меряющих отчасти способность припоминать и беспристрастно сравнивать предметы. Расскажем сначала вкратце всю историю монталамберовского процесса, хотя читатели, вероятно, уже и знают ее из газет. Читавшие ее в газетах могут, разумеется, и пропустить наш рассказ.

Есть во Франции журнал «Le Correspondent», имеющий умеренно-католический и чуть-чуть либеральный характер. Издает его некто г. Дуньоль. В этом журнале 25 октября 1858 года появилась статья графа Монталамбера, под заглавием: «Un debat sur l'Inde au parlement anglais» («Прения об Индии в английском парламенте»). Статья эта написана под влиянием впечатления, произведенного на графа Монталамбера английскими парламентскими прениями, при которых он присутствовал во время своего последнего пребывания в Англии. Некоторые страницы его статьи переведены в IV «Парижском письме»^[3], напечатанном в этой же книжке «Современника», и туда отсылаем мы читателей, еще не знающих статьи Монталамбера из газетных извлечений. Статью нашли антипатриотическою, и генеральный прокурор позвал к суду ее автора и редактора журнала. Монталамбер обвинен в старании унижить настоящий порядок дел во Франции посредством беспрестанного сопоставления его с государственным устройством Англии. При этом на него взведены три преступления: 1) возбуждение неприязни и презрения к французскому правительству; 2) неуважение права всеобщей подачи голосов, при которой избран нынешний император; 3) нарушение должного уважения к законам и к неприкосновенности прав, ими освященных. За все это, по таким-то и таким-то статьям, Монталамбер присужден к полугодичному тюремному заключению и к 3000 франков штрафа, а Дуньоль к заключению на один месяц и к тысяче франков штрафа.

^[1] День избрания Луи Бонапарта президентом Французской республики.

^[2] 2 декабря 1851 г. Луи Бонапарт совершил государственный переворот, в результате которого Французская республика фактически прекратила свое существование. Через год – 2 декабря 1852 г. – он объявил себя императором Наполеоном III.

^[3] «Парижские письма» – очерки М. Л. Михайлова (*Совр.* 1858, № 9–12; 1859, № 1–2).

Что можно найти странного и возмутительного в этом событии, раз поставивши себя на точку зрения 2 декабря 1851 года или даже 10 декабря 1848 года? Каким новым, небывалым доселе элементом отличается процесс Монталамбера? Новые законы, что ли, для него выдуманы? Нового рода преступление внесено в уголовный кодекс французский? Ничего не бывало. Осуждение Монталамбера основано на законах 11 августа 1848 года и 27 июля 1849 года^[4]. Нужно было волноваться, шуметь и кричать в то время, когда эти законы составлялись и утверждались, а не тогда, как их прилагают к делу. А то – странная вещь! Эти французы, принявшие и одобrivшие так называемую «конституцию 15 января»^[5], теперь только начинают как будто поражаться ее смыслом. Неужели, принимая закон 27 июля 1849 года, запрещавший всякие нападки на правителя государства, выбранного при всеобщей подаче голосов, – они воображали, что этим законом никогда не воспользуется тот, для ограждения кого он издан? И не забавно ли видеть людей, которые с живейшим негодованием и удивлением говорят о том, что составляет прямое и естественное последствие порядка вещей, утвердившегося уже несколько лет тому назад! Поневоле признаешь в этих людях – или недостаток сообразительности, или слишком короткую память. Вы заключили, положим, контракт с хозяином дома, где вы живете, и обязались не держать у себя в квартире собак, а в противном случае немедленно очистить квартиру и заплатить деньги за все время, на которое заключен контракт. Вы живете несколько месяцев очень спокойно; вдруг приходит вам охота завести у себя собаку. К вам является хозяин и на основании контракта требует, чтоб вы расстались с собакой или квартиру очистили... А вы вдруг подымаете шум, объявляете претензии хозяина странными, неслыханными, жестокими, кричите, что вы имеете право держать собак сколько угодно, что никто не смеет лишить вас этой свободы и т. п. Все это прекрасно и справедливо; хозяин ваш может быть бессовестен, его претензии пошлы и стеснительны, ваши человеческие права неотъемлемы... Но обо всем этом вы должны были подумать прежде заключения контракта. Зачем вы допустили в свой договор с хозяином такую нелепую статью? А допустивши ее, с какой стати вы начинаете негодовать, когда хозяин требует ее исполнения?

В государственных делах такая короткость памяти и недостаток сообразительности бывают, разумеется, еще вреднее, чем в частных. А между тем они часто встречаются в людях слабых и недалеких по убеждениям, – и это объясняется очень легко. Не умея вовремя составить сильную оппозицию и до конца ее выдержать, они вместе с тем не умеют вести себя после того, как потерпят поражение. Они не столько тверды характером и не столько преданы своим убеждениям, чтобы открытую борьбу за них продолжать, несмотря на все неудачи, и умереть с оружием в руках. Они не в состоянии отказаться от своих родовых привилегий, общественного значения, жизненного комфорта и т. д. для того, чтобы неуклонно служить своему делу. Да и зачем же отказываться? Никто такого самоотвержения не требует; собственная совесть спокойна; убеждения находятся в таком положении, что допускают легкую возможность помириться с противоположными началами. Чего же лучше? Пока разногласие только в теории, в общих положениях, то стоит ли придавать ему значение? А на практике, лично до нас – авось дело и не дойдет... И человек успокоивается таким образом и довольно равнодушно сносит свое положение, пока действительно что-нибудь не заденет его самого лично. Тогда он возобновляет прежние вопли о неприятности своего положения, которое, впрочем, сам предпочел тем лишениям, с какими сопряжено было продолжение борьбы.

^[4] Законом 11 августа 1848 г., принятым после подавления июньского восстания парижского пролетариата, право издания газет было обусловлено внесением крупного денежного залога, что привело к закрытию большинства демократических газет. Закон 27 июля 1849 г. добавил к закону 11 августа 1848 г. ряд статей, в частности, предусматривавших суровые наказания за оскорбление президента республики. Этими законами свобода печати, провозглашенная февральской революцией 1848 г., фактически была ликвидирована. Во время дебатов в Законодательном собрании Монталамбер был яростным сторонником принятия закона 27 июля, по которому он впоследствии был привлечен к суду.

^[5] Конституция 14 января 1852 г. (15 января она была опубликована) закрепила результаты государственного переворота 2 декабря 1851 г., поставив все политические институты Франции в полную зависимость от президента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания